

Армен Тыгу Страх перед духом

*Лекция на «Неделе мира – 21» в Росма, Эстония
16 июня 2007 г.*

Тема этой лекции – страх перед духовностью, или духом. Поскольку тема страха предполагалась в рамках этого семинара, а это одно специфическое проявление страха – страх перед духом, или духовностью, – я попытаюсь немножко раскрыть эту тему. Я буду говорить на русском, чтобы можно было параллельно на эстонский и немецкий переводить и время экономить. И я буду использовать терминологию духовной науки Рудольфа Штейнера, антропософскую терминологию, так что если возникнут вопросы, то можно сразу по ходу задавать. И для нашего рассмотрения будет существенно также представление о человеке как о четырехчленном существе. Поэтому мы можем рассматривать человека, – в принципе эта дифференциация несколько условная, но, тем не менее, она характеризует нынешнего человека, – как четырехчленное существо.

Одним существенным членом человеческого существа является его физическое тело, оно оформлено в материи. Поллюсом к нему является полюс его самосознания, – это наиболее духовная его часть. Проявление этого мы можем как внутренний опыт пережить, если мы пытаемся на чем-то удержать свое внимание. Допустим, если я делаю вот это специфическое усилие: сконцентрировать на чем-то свое внутреннее внимание усилием своего собственного внутреннего существа, – то если я смогу сам в себе осознать тот опыт вот этого усилия внутреннего, то в принципе я имею переживание духа в себе. Тогда я должен сказать: это мой дух, в данном случае, например, пытается удержать в сознании какую-то мысль. Да, тут не материальные руки держать мысль перед сознанием, а это само сознание своим же усилием пытается на чем-то удержать свое внимание. И то, на что может направить свое сознание дух, – так называемое Я человека, – вот это Я человека, оно может направить свое внимание, например, на мысли, на чувства, – на свой внутренний мир, так сказать. Так что это, вот, один член человеческого существа – физически-материальное тело; другой член – полюс к нему – его дух; третий член это душа, то есть, внутренний мир, на который можно направить свое внимание. Можно сказать: Я человека – наиболее духовное; душа – мысли, чувства, побуждения, – их можно наблюдать с помощью своего Я как нечто тоже окружающее. В антропософской терминологии эту часть еще называют «астральное тело», в котором протекают мыслительные процессы, процессы чувствования, воления, и которые может изучать, наблюдать Я человека. И есть еще один член человеческого существа, он находится между вот этим астральным телом и между физическим телом, – его называют эфирным телом. Он проявляется в жизненных процессах – физиологических и биологических жизненных процессах тела человека, – это самое эфирное тело. Его можно еще назвать «жизненными силами». Жизненные силы – это не то же самое, что эмоции, скажем, или мысли. В этом смысле, эфирное тело – это не то же самое, что астральное. Жизненные силы – это также не то, что является чисто материей. И, понятно, что материя – это тоже не то, что мысли и чувства, и уж совсем не является тем, что мы называем самосознание, или Я.

Но все эти четыре члена, они между собой связаны, они друг на друга влияют, так же, скажем, как теплота на воздух, воздух на воду, а вода – на скалу в море. И вот такого рода влияние можно наблюдать, оно проявляется, скажем, в психосоматике. Психе – это душа, сома – это тело, психосоматика – означает взаимовлияние души на тело. Это

значит, что душевные процессы: эмоциональные, мыслительные, – могут повлиять на жизненные и на физиологические процессы, и тогда мы имеем психосоматику.

На полюсе самосознания, там, где Я человека, оттуда тоже идет влияние. Самая первая область, на которую влияет Я, это, как раз, психе. И тогда можно, по аналогии с психосоматикой, говорить о пневмопсихике, – пневма это дух, а психика это душа.

Пневмопсихические процессы и психосоматические процессы – это те процессы которые в этом четырехчленном человеческом существе протекают. И если эти процессы откоррелированы между собой, то человек чувствует себя здоровым и, в каком-то смысле, в контакте с самим собой. Но они очень сложные по своей структуре, сложнейшие это процессы, – если просто даже уяснить себе, насколько много у человека мыслей, и каждая мысль, она определенным образом действует на соматику; насколько различные эмоции протекают через душу человека, и каждая из них опять действует на соматику. Или наоборот, насколько различные вещества внешнего мира нас окружают, которые мы вдыхаем, едим, воспринимаем в себя, – они действуют на психику со стороны соматики. И наша же психика опять действует обратно на пневматику, на дух человека, на его Я, самосознание. То есть, в общем говоря, человек – это сложнейшая система четырех-уровневая. И, причем, эта система еще, к тому же, из поколения в поколение развивается. Тип человека нынешнего, современного, он иначе устроен, чем, скажем, древний египтянин. Точно так же, как ребенок, в смысле четырехчленности, иначе устроен, чем взрослый человек. И точно так же все человечество, в этом смысле, эволюционирует, растет дальше.

Если спросить, в каком направлении это происходит, то это направление можно увидеть, если посмотреть, в каком направлении развивается человек от младенческого возраста до взрослого состояния. Тут мы замечаем, что полюс самосознания усиливается от младенческого возраста, где сравнительно мало еще самосознания и памяти даже еще нету, до взрослого состояния, а полюс жизни, так сказать, соматики, он ослабевает, и его приходится все больше поддерживать с точки полюса сознания. В каком-то смысле происходит своего рода усиление вот этого духовного полюса, эмансипация его, он становится все более самостоятельным, и все более активное самостоятельное участие принимает в психических и соматических процессах. И такое развитие от младенца ко взрослому человеку, оно же, как тенденция, проявляется и в развитии всего человечества как вида. Все человечество тоже движется от полюса жизни и сравнительно малого самосознания к полюсу все большего самосознания. И на этом пути есть разные этапы и разные маленькие шаги.

Наше современное человечество находится снова на одном переходном этапе из одного состояния в другое в усилении полюса самосознания. Мы можем попытаться это таким образом охарактеризовать, что если задаться вопросом, например, в состоянии ли Я человека управлять своим мышлением в раннем детстве, то мы замечаем, что маленькие дети еще не в состоянии логически мыслить, например, у них мышление протекает еще как своего рода естественный природный процесс, не управляемый самосознанием. То есть, какие-то математические задачи решать сможет ребенок только с определенного возраста, потому что для этого нужна уже самостоятельность по отношению к мышлению. Но в какой-то период нашего индивидуального развития мы вырабатываем себе такую способность, и после этого уже у нас есть логическое мышление. Оно предполагает способность самому направлять свои мысли по определенным правилам логики. Тогда, если есть такая способность, то можно сказать: дух человека, или Я человека, уже обладает силой контролировать свое мышление и давать ему направление. И это является плодом уже прошедшего этапа развития

человечества, что сегодня взрослые люди, по идее, уже должны обладать такой способностью. Интеллект, так сказать, достиг своего определенного высокого уровня развития, – если сравнить это с древним египтянином, это станет очень очевидно, – или – взрослого человека с маленьким ребенком детсадовского возраста.

А современное человечество делает еще один шаг в эмансипации и в развитии духовном. Современное человечество стоит перед задачей научиться таким же образом контролировать жизнь своих эмоций. В принципе, можно сказать, по отношению к эмоциям мы часто находимся еще в несвободном состоянии. Это означает: мы не в состоянии сами направлять течение своих эмоций, придавать им какое-то определенное развитие. Например, совершенно самостоятельно пробудить в себе живой интерес к чему-то, к чему я интереса не имею, – это уже определенного искусства требует и не каждому удастся. Но, тем не менее, каждый человек, живя современной жизнью, он просто замечает, что в этой области: в области эмоций, в области чувств, – есть потребность в их упорядочивании, в работе над ними. Это является следствием того, что человек вышел из определенного порядка, в котором находились его эмоции и чувства, из какой-то упорядоченности. Он выпал из той упорядоченности, которая раньше связывала его узами с родственниками, с традициями, из таких вот, скажем, патриархальных отношений, – из этого всего он, как бы, выпадает сейчас, эмансипируется. И тогда возникает внутренне хаотичное состояние. Вот в этом смысле, человек, как бы, стоит на развилке: он или должен сам упорядочить свои отношения эмоциональные, чувственные, – или же это будет происходить хаотичным или, может быть, манипулятивным образом через внешние влияния.

И если теперь спросить, каким образом самосознание, или Я человека, может участвовать в таком упорядочивании жизни чувств, жизни эмоций, то здесь первым шагом является вообще шаг познания, шаг осознания того, что живет в моих чувствах и эмоциях. То есть, я не могу работать над чем-то, чего я не воспринимаю, не понимаю. И тут уже мы замечаем, что, поскольку наши чувства, наши эмоции – это часть нашего внутреннего существа, то мы сталкиваемся с проблемой самопознания. Потому что без этого самопознания жизнь чувств, жизнь эмоций будет неупорядоченной или будет упорядочена манипулятивным образом, извне. Это всего лишь первый шаг, после чего надо научиться те эмоции и чувства, которые требуют преобразования, также преобразовывать. Просто сказать: я, вот, чувствую так, и это я и есть – это еще не достаточно.

Значит, первый шаг – это вообще понять, что я чувствую, что я переживаю; второй шаг – это понять, каким образом интегрировать то, что я переживаю, в общий контекст моего существа. Мы можем, например, говорить: я самостоятельно мыслю что-то. Конечно, можно говорить: мне пришла мысль в голову, – тогда я как пассивно воспринимающий. Но, я думаю, что вряд ли кто-то решает задачи по математике таким образом, что он сидит, смотрит на задачу и ждет, пока ему будут приходить мысли в голову. Это будет выглядеть: пялиться на доску и ждать, пока решение появится. Тут мы замечаем, что здесь активность Я предполагается и что ожидается, что это возможно, что это естественно. А вот в отношении жизни чувств наша цивилизация еще приблизительно таким образом живет: современный человек, как бы, ожидает, какое чувство придет и будет чувствоваться. Но жизнь поставила нас перед задачей правильным образом организовывать свои отношения, упорядочить отношения, а мы сидим и пялимся, так сказать, на эту задачу и ждем, пока они упорядочатся. И тут вот просто видно, что задача, в принципе, есть, но она требует духовного роста. С той духовной силой, которой мы сейчас обладаем, эту задачу трудно решать.

В результате чего этот рост достигается? Что нужно сделать на пути этого духовного роста? Я сказал: первое, что нужно сделать, – научиться наблюдать свои эмоции и свои чувства как внешние объекты. Это означает – осознавать, что я чувствую, полностью осознавать, что я чувствую, или, можно сказать, поднять жизнь чувств в свет сознания. Для этого можно делать специальные упражнения, которые позволяют стать не только ясночувствующим, но и в каком-то смысле ясновидящим в области чувств. Потому что – что означает ясновидящий? Ясновидящий – предполагается, это человек, который в состоянии наблюдать, скажем, чувства, как мы наблюдаем глазами внешний мир. То есть, Я человека по отношению к чувствам встает в такую позицию как субъект к объекту внешнему. Как я наблюдаю, там, стулья, внешние предметы, таким же образом можно встать по отношению к тому, что я наблюдаю – моим собственным чувствам – в позицию внешнего наблюдателя. Только если удастся встать в такую позицию, удастся в себе пробудить силу, которая позволяет упорядочивать чувства, так же, как я могу упорядочить стулья в этом пространстве. В каком-то смысле, тогда человек получает способность видеть, какие эмоции движутся в эмоциональном пространстве не только в нем самом, но и вокруг него, в других душах, и активно участвовать в движении этих эмоций, – из роли пассивно воспринимающего субъекта превратиться в активный субъект, который упорядочивает. В принципе, это является насущной задачей современного человека, если он вообще хочет научиться жить в упорядоченном мире эмоциональном. И следствием его развития будет такое ясновидение. Точно так же, как следствием самостоятельности в области мысли стало развитие интеллекта.

Но на пути такого вот развития есть некоторые существенные препятствия. Ну, первое препятствие, которое бросается в глаза, это то, что если уже меня захватывает какое-нибудь чувство, то очень трудно вообще с ним бывает справиться, если оно сильное. То есть, даже само выражение «меня захватило чувство» уже указывает, что я некто пассивный, которого кто-то схватил. Можно сказать: «Меня охватил страх», – значит, кто-то пришел и со всех сторон меня охватил. Не «я охватил страх», а «страх охватил меня», – тут, так сказать, ясно, кто пассивный, а кто активный. И вот, надо, как бы, научиться меняться ролями. Точно так же, как, я сказал, не «мысль хватает меня», а «я хватаю мысль», «я ухватил идею», – тут мы уже, так сказать, продвинулись: хватаем идеи. Я думаю, каждый согласится: нехорошо, если идея хватает меня, потому что тогда я превращаюсь в фанатика. Но то же самое, вообще говоря, в области чувств сейчас происходит. И поскольку это требует неудобного усилия, как любое упражнение, то многие люди боятся этого усилия. То есть, своего рода удобство уже мешает делать такое неудобное усилие – хватать чувства вместо того, чтобы они хватали. Это проблема, так сказать, удобства внутреннего, которое мешает делать такое упражнение.

Но есть более глубокая проблема, на самом деле. Дело в том, что если пытаться таким образом активно упражняться, то человек сталкивается на пути своего самопознания со своим истинным обликом. И вот, мы несколько дней подряд переживали в драме, как некоторые вещи получали другие имена. На пути такого самопознания – особенно в области душевных процессов – человек вынужден бывает признать, что он должен многие вещи по отношению к себе называть иначе, чем он бы их склонен был назвать. Он делает, так сказать, неудобное открытие, что часто он разные свои побуждения называл одним образом, – и если он встает по отношению к ним, как к объектам, то он вынужден назвать их совершенно иначе. Самопознание, как бы, вынужденным образом показывает человеку его истинную моральную ценность, истинную ценность тех чувств, которые наполняют его душу. То есть, он учится видеть самого себя без иллюзий. Можно сказать: если он раньше был очарован самим собой, то

теперь он разочарован. Такое разочарование очень тяжело может переживаться. Разочарование в самом себе может переживаться очень тяжелым образом.

И тяжесть эта усиливается вследствие еще одного процесса, а именно, оказывается, не так просто преобразовывать в себе те чувства, которые после разочарования хотелось бы преобразовать. Допустим, человек, в самом деле, открывает в себе какие-то качества, которые он в разочарованном состоянии не замечал в себе, а в разочарованном замечает. Ну, допустим, он в очарованном состоянии считал себя борцом за справедливость, а в разочарованном состоянии оказывается, это просто зависть. Но, допустим, он говорит: «Хорошо, я попытаюсь теперь над этим работать», – и делает следующее открытие: оказывается, корни этой зависти еще глубже сидят в его существе; оказывается, это вопрос не просто одноразового действия, – вот, была зависть, Я ее преобразовал, перестал быть зависимым, – а что качество зависти сидит уже в жизненных процессах в области привычек. То есть, человек вдруг открывает, что он имеет привычку быть завистливым, – а с привычками очень тяжело работать. Привычки проявляются и тогда, когда нет внешнего побуждения. Человек не хочет быть завистливым, но по привычке он все равно продолжает. То есть, оказывается, что ему приходится работать с областью привычек, которая более плотная и более, ну, так сказать, упрямая вещь. Привычки – упрямая вещь. В каком-то смысле, это выступает перед таким самопознающим сознанием, как нечто, что имеет силу, уже равнозначную природным силам. Говорят, что это уже сродни силам элементов, силам природы. И в самом деле, он может сказать: «Я по своей природе такой, не просто по настроению». И вот такого рода открытие, оно действует на самопознание уничтожающим образом, – на самопознающее Я. То есть, в каком-то смысле, надежда на скорое решение проблемы, она исчезает. Пока человек глубоко не копался, он всегда мог сказать: «Вообще-то я, вот, сегодня пережил зависть, но в принципе я могу с этим справиться». Это как вот с тем, который говорит: «Вообще-то я могу бросить курить, но это я сделаю завтра» . И пока есть такая вера в это, с этим еще можно жить. В тот момент, когда человек, так сказать, глубже смотрит на эту проблематику, он вдруг понимает: это не так просто сделать и завтра. И уже на этом уровне самопознания приходится куда больше мужества иметь, чтобы идти дальше, потому что там можно будет одно открытие за другим делать, и оно будет очень похожим по структуре: насколько много, так сказать, упрямых душевных привычек вредных или разрушительных, с которыми надо работать.

В каком-то смысле, если человек все такого рода эмоции, а потом уже привычки выделяет из себя, делает их объектами внешними, то перед ним встает самостоятельный облик, некое существо. И этот облик – не что иное, как облик его самого, душевное жизненное зеркало его самого. Причем, это зеркало, оно весьма упрямое, скажем, потому что оно состоит из упрямых привычек. И вот такое переживание, в какой-то степени открытие ущербности себя самого: «Я не такой, каким я хотел бы себя представлять, и изменить себя очень трудно», – оно является основной преградой к самопознанию. Это переживание, которое я только что описал, часто не доходит до сознания. Точно так же, как когда курильщик говорит: «В принципе, я могу бросить, но просто вот у меня есть причина, почему я это не делаю» , – можно сказать, у него еще не доходит до сознания, насколько трудно ему это сделать. Там, так сказать, находится страх перед тяжестью вот такой задачи. Но здесь этот страх, можно сказать, умножен еще в несколько раз, потому что это не только одна привычка, но очень много глубоко сидящих душевных привычек. И то, что я в начале лекции назвал «страх перед духом, перед духовностью, или духовным познанием», он суммируется из всех вот этих страхов, – страх перед тем усилием,

которое я должен буду совершить, чтобы кучу разного рода ущербных привычек преобразовать. Это вот то, что можно назвать «страх перед духом».

И если теперь вспомнить то, что я вначале сказал: человек стоит теперь перед необходимостью начать упорядочивать свою душевную жизнь; следствием этого упорядочивания становятся своего рода ясночувствование и ясновидение; следствием уже этого является определенный уровень самопознания; следствием этого является понимание, что это вовсе не такая легкая задача – преобразование себя самого, потому что я, как объект, очень упрямая вещь – то, как я себя самого вижу, – такой тип, такой парень, который вовсе не хочет преобразовываться за один раз, что это, в общем-то, усилие на долгое время, – то уже соприкосновение, можно сказать, с такой задачей вызывает огромный страх. И неподъемность всей этой задачи вызывает такой панический страх, что возникают обратные реакции: человек начинает ненавидеть дух. И тогда возникает ненависть ко всему духовному развитию и всему, что с этим связано, – как своего рода реакция самозащиты перед неподъемной задачей, которая иначе встанет перед человеком. И поэтому именно в наше время есть такая ненависть к духу. Я имею в виду, – к духу, который активен, не к духу, который пассивен. Пассивный дух люди с удовольствием принимают. То есть, в духовно пассивном состоянии они готовы принимать что угодно: какую-то идею, которая захватит, какие-то приятные чувства, которые захватят, – это с удовольствием, такого рода дух – пожалуйста! Но если говорить, так сказать, об активном духовном усилии, то это вызывает ненависть. И такого рода ненависть, она не новая вещь в мире. Христос еще сам говорил ученикам: «Мир будет вас ненавидеть, как меня ненавидит». «Мир» – это, так сказать, выражение всего того пассивного, что из удобства не хочет меняться, и оно будет ненавидеть все, что говорит о развитии и об активном развитии через внутреннее усилие. Тогда вот такая пассивная духовность будет чувствовать себя ущемленной, обиженной, если ей кто-то скажет, что нужно дальше развиваться, и она будет ненавидеть это.

Есть ли вопросы?

– Я хотел спросить, какая разница между чувствами и эмоциями, или это одно и то же?

Армен: Ну, я бы чисто афористично эту грань провел: мы говорим, что есть чувство истины, но мы не говорим, что есть эмоция истины. Просто я не хочу сейчас в это вдаваться.

– Вы говорили о примере работы с негативным чувством – завистью, которая открылась при взгляде на себя. А как с позитивными чувствами в себе: любовью, состраданием, – когда ты смотришь правде в глаза и видишь, что это прекрасно? И стоит ли здесь тоже руководствоваться тем же правилом, что человек из своего сознания может манипулировать, как бы убивать то, что в нем это есть?

Армен: Ну, вопрос встанет: то, что я ощущаю, как прекрасное, насколько это связано с истиной, с истинно прекрасным? То, что я описал, – и если это называть «манипуляцией чувствами», это, конечно, звучит несколько негативно. Но я могу то же самое перевести на другой уровень. Допустим, можно было бы говорить на уровне мысли: представим себе, что кто-то решает математическую задачу – тогда он манипулирует мыслями. Но если он не будет манипулировать мыслями, если будет просто пялиться на задачу и говорить: «Как прекрасно!», то, может быть, ему придет какая-то прекрасная мысль в голову, допустим, « $1+1=3$ », – и это будет прекрасным пережито, потому что Троица – это нечто прекрасное! Если таким образом относиться к мышлению, то мы к истине не будем никакого отношения иметь. Современный человек, тем не менее, хочет оправдать такое же отношение к чувствам. По отношению к мыслям никто не позволит ему такое

отношение оправдать. По отношению к чувствам есть всегда такая молчаливая тенденция это оправдать. И это оправдание, оно потом, как раз, выражается в том, что говорят: «когда я манипулирую чувствами» или «я подавляю нечто прекрасное»... Но вопрос вовсе не в этом. Вопрос просто в следующем: каким образом научиться свободно жить в мире чувств, двигаться в мире чувств свободным образом? Точно так же, как вопрос стоит в области мышления: каким образом научиться свободным образом двигаться в мире мыслей? – Там не стоит вопрос, каким образом схватывать прекрасные мысли. Это вопрос субъективности и объективности. Есть объективные чувства в мире чувств и есть субъективные, ложные, так сказать.

Можно сказать, что так же, как есть мыслительная логика, есть логика чувств – это те законы, по которым можно научиться объективно двигаться в мире чувств. И вопрос в том, чтобы научиться владеть этой логикой так же, как мы владеем логикой мыслей. Просто то, что я хотел сказать: на пути возникает вот эта вот преграда, что как только я встаю на путь самообучения логике сердца или логике чувств, я оказываюсь перед объективным моральным суждением своего душевного существа. И тогда возникает вот тот процесс, который я описал: тяжелая задача, попытка ее избежать и ненависть к духовному развитию.

Есть еще вопросы?

– В принципе понятно, для чего нужны и где используются освобожденные мысли. Но для чего нужны освобожденные чувства? Становятся ли они самостоятельными или они каким-то образом прилагаются к свободным мыслям?

Армен: Да, вот первый, так сказать, уровень свободы – по отношению к мыслям – мы называем интеллектом. Второй уровень свободы – по отношению к эмоциям и к жизни чувств самостоятельность – можно назвать интуицией. Интуиция – в том смысле, что человек тогда получает способность воспринимать истину как нечто объективное. Чувство истины развивается благодаря этому. А чувство истины позволяет именно чувствовать: это – истина; это – ложь; делать разницу между истиной и ложью, чувствовать ее.

– Мышлением, мыслями можно как творить, так и уничтожать, и тогда то чувство истины, получается, позволяет различать, чем являются одни мысли, чем – другие.

Армен: Ну, можно сказать: тогда, благодаря чувству истины, человек может давать оценку и тому, что он сам делает, и тому, что происходит вокруг. И это связано, как бы, естественным образом, с моральной оценкой: истинность или ложность – это уже моральная оценка. И поэтому я сказал: самопознание на этом уровне, на втором уровне, так сказать, оно с необходимостью приводит к моральной оценке собственного существа, его просто невозможно обойти, – то есть, я, мое существо, – насколько истинным и насколько ложным образом оно связано с окружающим миром?

Есть еще вопросы?

– Я не приравнивала бы интеллект к свободе мысли, потому что умение управлять своими мыслями для решения каких-то задач – это не означает свободы мыслей, так как тот человек, который прекрасно умеет их для какой-то цели строить, эти мысли, тем не менее, продолжает являться пассивным получателем, в которого эти мысли входят, как они хотят, а не как он хочет.

Армен: Ну, я бы говорил здесь, – собственно говоря, как я уже сказал, – о разных уровнях свободы. Можно быть на определенном уровне свободным – в смысле, рационально мыслить, – но на более глубоком уровне быть несвободным и, так сказать, тогда и в самом деле это рациональное мышление будет основано на каких-то

эмоциональных предпосылках – предубеждениях и так далее, – тем не менее, они коренятся в эмоциональном. Аксиомы и предпосылки на эмоциональном уровне будут несвободны, но логическая конструкция будет, тем не менее, человеком корректно построена и, в этом смысле, свободно построена, просто фундамент будет несвободный, – это другой уровень свободы: можно на основе несвободных аксиом построить очень свободную теорию, – самостоятельную теорию, лучше сказать.

Ну, все, уже 7 часов, мы должны закончить. Значит, сейчас по плану ужин, в 8 часов будет здесь завершающий пленум, а потом мы поедем еще на поляну «Небесная обитель», и там будет еще завершающее выступление.